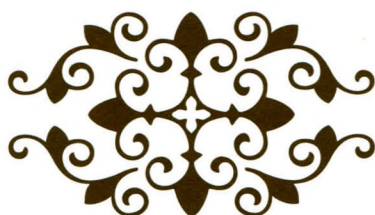

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ
Апракос полный 1270 года

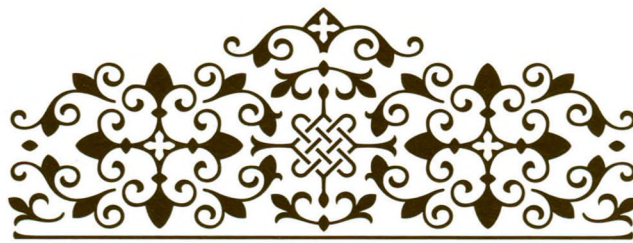
Научные исследования

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ Апракос полный 1270 года

Уникальная историческая рукопись,
именуемая
«Евангелие Лотыша»,
(«Ерсикское Евангелие», «Симоновское Евангелие»)

Научные исследования

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Высокопреосвященный Александр, Митрополит Рижский и вся Латвии.	
Древняя Ерсика и её духовное наследие	7
Молчанов В.Ф. Евангелие Лотыша 1270 г. из собрания рукописных книг Государственного канцлера России Р.П. Румянцева	19
Коцере В.Я. Евангелие Георгия из Ерсика 1270 года	35
Спешите делать добро!	42
Иллюстрации / Ilustrācijas / Illustrations	43

SATURS

Priekšvārds	68
Viņa Eminence Visaugstisvētītais Rīgas un visas Latvijas Metropolīts Aleksandrs.	
Senā Jersika un tās garīgais mantojums	71
Viktors Molčanovs. 1270. gada Latvieša Evaņģēlijs no Krievijas Valsts kanclera N. Rumjanceva rokrakstu grāmatu kolekcijas	82
Venta Kocere. Jersikas Jurgā 1270. gada Evaņģēlijs	96
Steidziet darīt labu!	102

CONTENTS

Foreword	103
His Eminence Metropolitan Alexander of Riga and All Latvia.	
Ancient Jersika and its spiritual heritage	106
V.F. Molchanov. Gospel of Lotysh, 1270 AD from the collection of manuscripts of the Russian State Chancellor N.P. Rumyantsev	117
Venta Kocere. Gospel of Georgy from Jersika published in 1270	132
Hasten to do good!	139
Содержание / Saturs / Contents	140
Благодарность	141
Pateicības	142
Acknowledgements	143

Евангелие Георгия из Ерсике 1270 года

Украшением богатейшего книжного собрания Академической библиотеки Латвийского Университета (основанной в 1524 году) являются ряд томов коллекции «Livonica» прибалтийского краеведа, историка и педагога Иоганна Кристофа Бротце (1746–1823). В этих книгах сохранилась выдержка из Хроники Иргена Хелмса XVII века, на 150 страницах, написанная самим И.К. Бротце, где есть сведения о городе Ерсике. Ерсика, как латгальский государственный центр, где правил князь Висвалдис, впервые была упомянута в Хронике Индрика (Генриха Латвийского),¹ а материал, собранный о Ерсике, может служить для дальнейшего изучения истории Латвии.

Выдающийся историк профессор Арведс Швабе (1888–1959) писал, что, в отличие от многих других городищ наших предков, об Ерсике сохранилось относительно много сведений не только в хрониках, но и в официальных документах. Известно даже, кто был правителем Ерсике. Хроника Индрика называет его Висвалдисом, а Рижская епископская канцелярия в 1209 году использует русифицированную форму «Wiscewolodus». Схожее имя правителя «Wyssewalde» встречаем в 1388 году в Хронике Виганда Марбургского, в названии одного из литовских замков (*castrum Wyssewalde*), который находится вблизи Вилии, выше Каунаса. Исторически вполне возможно, хотя тому не имеется никаких подтверждений, что после гибели государства Ерсике законные наследники Висвалдиса, упоминаемые в документах, могли выехать в Литву, к родным своей матери. Грамота Рижского епископа 1209 года, сохранившаяся в копии XVI века, использует вместо имени Висвалдис русское имя Всеволод, которое позже постоянно встречаем в русской и польской литературе, что послужило основанием для предположения, что Висвалдис Ерсикский

был русским князем. Висвалдис является единственным ливонским правителем, которого Индрикис Латвийский титурует королём. Вопрос о национальности Висвалдиса противоречив. Надо напомнить, что Хроника Индрика называет русским замком не только Ерсикю, но также Кокнесе, хотя там жили латгальцы, селоны и русские. Надо думать, что подобно Кокнесе, и в Ерсике проживали эти народности, а также и литовцы. На это указывают слова Хроники: «И он (Висвалдис) облегал им (литовцам) переправу через Даугаву и снабжал их съестными припасами, шли ли они в Руссию, Ливонию или Эстонию». Поэтому повествование Индрика, что русские Ерсики (Rytheni) бежали от немецкого войска не следует понимать так, словно с полками епископа Альберта боролись только русские воины. Как ещё сегодня в Латгалии весьма часто вероисповедание закрывает национальность, и православных всех национальностей называют русскими, а всех католиков – поляками, так и в XIII веке было упрощение: язычники – латиняне (католики) – русские (православные). Также автор Хроники Индрикис многократно называет немецких крестоносцев латинскими пилигримами.

Выдающийся археолог профессор Францис Балодис (1882–1947) в 30-е годы снова дал оценку старинным хроникам и документам. Особое значение имели первые археологические исследования городища и некрополя Ерсике, поскольку археологические свидетельства подтверждают или отрицают сведения письменных источников. Материал раскопок не указал на длительное нахождение в замке Ерсике русских жителей или русского князя и его дружины. Это не подтвердилось также в захоронениях некрополя. Ф. Балодис, обобщая материалы раскопок, писал: «Раскопки доказывают, что в этом месте существовали христианский замок и город и что жителями Ерсике неоспоримо были

¹ Хроника Индрика (латин.: *Heinrici Cronicon Lyvoniae*) русскому читателю известна как «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского – первый полный письменный исторический источник, повествующий о событиях в Балтии в конце XII – первых десятилетиях XIII в.

латыши, это доказывают все предметы, найденные в городище, которые на 99 % являются латгальскими. Вряд ли король русский действительно жил один в латышском городе вместе с латышами, к тому же без русских воинов?» Патристические мысли, высказанные Ф. Балодисом в конце 30-х годов, во времена национального подъёма, и его интерпретацию материалов раскопок, часть исследователей считала тенденциозными. В фундаментальных исследованиях русских и белорусских учёных не только Ерсика и Кокнесе, но и Оленькалнс и Асоте причислены к укрепленным поселениям Древней Руси, и в списках городов Руси IX–XIII вв. упоминаются и Ерсика, и Кокнесе. Ф. Балодис также отметил указание А. Швабе, что старославянское Евангелие 1270 года в Московской Румянцевской библиотеке писал Георгий, сын священника Лотыша из Городища (Ерсики), значит христианство в Ерсике так укоренилось, что город уже сам мог давать священников, каким был и отец Георгия.²

Также историк Янис Берзиньш (1883–1940), разъясняя слово «Ерсика», писал: «Это объяснение, однако, не подходит Городищу у Новгорода. Латышским словом название «Городище» объяснить нельзя, у слова нет ничего общего с Ерсикой – словом, чуждым русскому языку. «Городище» Ерсикой называли ганзейцы. Ганзейцы ездили также в Латвию, где они хорошо знали, по крайней мере, одну Ерсикю – замок Висвалдиса. Может быть, у этих ганзейцев, которые дали Городищу название Герцеке, в представлении была аналогия с Ерсикой Висвалдиса: Городище соответствующий документ называет *curia regis*.³ С Ерсикой Висвалдиса у русских была оживлённая связь. Как называли её русские, мы не знаем». Однако в 1931 году Янис Крейцс высказал мысль о том, что русские Ерсикю Висвалдиса называли Городищем. В 1936 году к этим мыслям Крейца присоединился А. Швабе.

Гипотеза Я. Крейца и А. Швабе основывается на записи в так называемом «Евангелии Георгия», которое находится в Москве в Румянцевском музее. Мастер-книгописец, переписчик Евангелия, окончив труд, вписал сведения о себе и своём труде: «Эта книга была закончена 23 марта 6778 года, в день памяти святого мученика Никона, в этот же день на солнце было знамение. Писал эту книгу я, Георгий (Юргис), сын священника, прозванного Лотышом, из Городища, на средства монаха Симона от Св. Георгия, себе во спасение и всем христианам на утешение». Уже в 1922 году, в своей книге «История Латвии», впервые опубликовал этот текст на латышском А. Швабе. По версии Я. Крейца, под Городищем нужно понимать Ерсикю Висвалдиса. Именно

из Ерсики происходит отец переписчика Евангелия Георгия, прозванный Лотышом. Ерсика в то время относилась к Полоцкой епархии, которой в год написания Евангелия управлял епископ Симон, или Симеон, возможный заказчик Евангелия. А. Швабе полностью присоединился к этим мыслям Я. Крейца.

Однако эта гипотеза слабо подтверждена. Есть сведения, что полоцкий епископ Симон I был из полоцкого княжеского рода. Он был деятельным и известным епископом своего времени. Конечно, он мог дать средства на переписку Евангелия. Но в выходной записи ничего не сказано о епископстве Симона. И невозможно допустить, что простой сын священника вдруг называет своего епископа «монахом». Разве он осмелился бы на это? Когда епископ Полоцкий Симон II, который жил позже (в середине XV века), назвал митрополита Иону не отцом, а братом, как это было принято среди епископов, митрополит ему выговорил: «Не знал, что ты стал настолько стар, что потерял память, или же твой разум омрачила гордыня. Суди сам: могли бы мы, митрополит, писать Патриарху «брат»?» Простой сын священника не смел бы назвать просто монахом епископа из своей епархии. Поэтому мы должны признать, что заказчиком был простой монах Симон из монастыря Св. Георгия.

В 1938 году разгорелась полемика между языковедом профессором Янисом Эндзелином (1873–1961) и публицистом Я. Крейцом. Я. Эндзелинс писал, что «к переписанному славянскому Евангелию от 1270 года, которое сейчас находится в Москве и названо «Новгородским Евангелием», переписчик добавил заметку, что эту книгу написал он, Георгий, сын священника, названного Лотышом, из Городища, на средства монаха Симона (из монастыря) Святого Георгия. Из этих слов сделали много выводов, нисколько не сомневаясь в том, что слово «Лотыш» («Lotyš») обозначает латыша. Словами, что средства для написания этой книги дал некий монах Симон, Я. Крейцс доказывает, что не только князья, но также и другие сословия русских, и даже монахи, интересовались распространением света Евангелия среди латышей и жертвовали для этой цели средства даже тогда, когда латыши давно уже были под властью немцев». Я. Эндзелинс не понимает, как Евангелие, написанное на славянском языке, могло привести латышей к учению Христа, и не знает, какие другие монахи (исключая упомянутого Симона), какие князья и какие представители других сословий заботились о христианстве среди латышей. В Новгородской округе с древних времён находился известный монастырь святого Георгия, или Юрия, на левом

² Balodis F. Jersika un tai 1939. gadā izdarītie izrakumi. – Rīga, 1940, 103 lpp. il.

³ *curia regis* – место, где находится резиденция правителя.

берегу Волхова, и напротив него – через реку – Городище. Наверное, в окрестностях Новгорода – далеко от Латышской земли – было переписано упомянутое Евангелие и не для латышских приходов. И действительно ли слово «Лотыш» здесь обозначает латыша? Иосиф Юлиус Миккола (1866–1946), известный финский языковед, профессор славянской филологии университета в Хельсинки, указывает, в связи с этим, на известную русскую фамилию Латышев, у которой, наверное, нет никакой связи с латышами.⁴

В свою очередь, Я. Крейц даёт ответ Я. Эндзелину: «Прежде всего, наши историки уже единогласно признали, что Православие в то время уже довольно глубоко вошло в латышскую среду. В Ерсике и в Кокнесе уже есть православные храмы. У латышей в то время есть уже своя, хоть и под влиянием славянского языка возникшая, терминология для церковных нужд. Православные миссионеры, где было нужно, переводили текст Евангелия для своих слушателей на латышский. Какие князья и какие представители других сословий заботились о христианстве латышей? «Исторические источники и Я. Крейц об этом молчат», – говорит профессор Я. Эндзелинс. Я об этом не писал просто потому, что рассматривать такие вопросы не являлось моей целью, поскольку тема моего очерка была только об упомянутых фактах в записи Георгия. Но неправда, что молчат исторические источники. Русская Ипатьевская летопись говорит, что в 1177 году князь Рюрик Ростиславич на латышско-латгальской земле, в Лудзе, построил храм. Не для одних русских был задуман этот храм (сколько русских в то время было в Лудзе?), но для всех проживающих в Лудзе и её окрестностях, а значит, и для латышей. Православная Церковь никогда не отделяла, и также сейчас не отделяет один народ от другого. Далее, профессору Я. Эндзелину становится непонятно, как это получается: если полоцкие епископы и князья уже с самого начала старались дать латышам своего округа священников латышской национальности, и, если там тогда было много, или хотя бы несколько, священников латышской национальности, почему тогда только один из них назывался латышом? Но Георгий рассказывал только о себе, и, между прочим, упомянул своего отца. Нельзя ведь требовать от него, чтобы он в своей короткой автобиографии дал широкие сведения о статистике и классификации священников своего времени. Я. Эндзелинс сомневается, действительно ли слово Лотыш в «Евангелии Георгия» обозначает латыша, и что профессор Миккола в своём очерке указывает, что «Лотыш» по-русски может обозначать «болтун». У профессоров Микколы и Эндзелина получается, что

Доктор филологических наук В. Я. Коцере, директор Академической библиотеки Латвийского Университета

Георгий, делая запись в Евангелии, обругал там своего отца «болтуном». Георгий был очень религиозным человеком, что можно видеть также из того, что он заметил, в день какого святого он закончил свою работу и счел своей обязанностью указать это. Поэтому писать в Евангелии кличку отца он не мог. К мысли о том, что отец Георгия, названный «lotyš», не был латышом, И. Микколу и Я. Эндзелина ведет то, что слово «lotyš» на Древней Руси многократно встречается в качестве фамилии. Профессор И. Миккола в своем очерке дает пять примеров. Среди них некий Юрко Лотыш – полковник из Чигирина 1634 г., Юшка Лотыш – украинский казак 1654 г., Федка Лотыш – стрелец из Царицына 1678 г. Были ли они латышами? Профессор И. Миккола указывает на известную русскую фамилию Латышев, у которой наверняка нет никакой связи с латышами.

С тем, что упомянутый в записи Георгия священник был в Ерсике и был латышом, согласен не только профессор А. Швабе. Автор очерка «Распространение Православия у древних латышей», напечатанного в журнале «Ticība un Dzīve» («Вера и Жизнь»),⁵ приняв, что отец Георгия был латышом и жил в Ерсике, идет дальше, говоря о православных

⁴ Endzelīns J. Vai senajā Polockas valstī ir bijuši latviešu tautības mācītāji? // Latvijas Kareivis, 1938, Nr. 105.

⁵ Pareizticības izplatšanās pie senajiem latviešiem // Ticība un Dzīve, 1938, Nr. 11, 164.–165. lpp.

миссионерах у древних латышей: «Невозможно, чтобы эти миссионеры были только русскими. Новейшие исследования показывают, что Полоцк не был таким уж русским городом. В те времена там жило много латышей, из их среды могли выйти и миссионеры, распространившие свет Православия в Ерсикю и Талаву.» Автор даже допускает, что в Ерсикских храмах уже в 1207 году были также книги на латышском языке. В конце еще один факт. В 1931 году в Риге, в помещении гимназии О. Лишиной, кружок русских старообрядцев организовал «славянскую выставку», где было отделение старинной книги. В беседе с иконописцем Павловым, одним из организаторов этой выставки, об «Евангелии Георгия» 1270 года, выяснилось, что Павлову оно знакомо, и он рассказал, что Георгий якобы оставил рассказ о том, как он бежал от немцев и как хранил свое Евангелие. Книгу с этим рассказом Павлов видел в Лудзенском округе. В «Истории Латвии» профессора А. Швабе сказано, что Георгий действительно эмигрировал в Новгород и там закончил переписывать Евангелие». ⁶

Ещё в 1931 году историк Я. Крейцс в своем очерке об «Ерсикском Евангелии» писал, что в Москве в Румянцевском музее хранится Евангелие, написанное в 1270 году. «На обороте 167 листа этого Евангелия сделана такая запись большими славянскими буквами: «В лето 6778 кончена быша книга сия мца марта въ 23 на память стго мчнка Никона томъ же дни бысть знамение в сълньцы. Писах же книги сия аз Гюрги снъ поповъ глемега Лотыша с городища стяжаниемъ Симона чърньца от стго Георгия собе на спсение и всъм кртияномъ на оутъхоу», что означает: «Эта книга была закончена 23 марта 6778 года в день памяти святого мученика Никона, в этот же день на солнце было знамение. Писал эту книгу я, Георгий (Юргис), сын священника, прозванного Лотышом из Городища на средства монаха Симона от Св. Георгия себе во спасение и всем христианам на утешение». Латышам на эту запись указал уже А. Швабе. На неё ссылается литературный критик Теодорс Зейфертс (1865–1929) в своей «Истории латышской письменности» ⁷ с заметкой, что упомянутое Евангелие писал Георгий, сын латышского священника из города Ерсикю. Эта запись нам очень важна. Пусть нашим историкам (А. Швабе, Т. Зейферту) это известно уже лет десять, однако в достаточной мере это не оценено. Это доказывает, во-первых, что неверно утверждение Индрика, автора Ливонской хроники, будто «русские короли, покоряя оружием какой-либо народ, обыкновенно заботятся не об обращении его в христианскую веру, а о покорности в смысле уплаты податей и денег». Так Индрикис говорит именно про полоцких князей. Но

уже самый первый христианский русский князь Владимир, раздавая своим сыновьям земли, «посла съ ними священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да каждо въ области своей повельвуетъ учити и крестити людей и церкви ставити, еже и бысть». Он решил поставить в городах епископов и поэтому, отпуская сыновей в уделы, наставлял их советоваться с епископами. В 992 году, через 4 года после крещения великого князя Владимира, митрополит Киевский Леонтий уже ставит в городах епископов: в Великий Новгород – Иоакима Корсунянина, в Чернигов – Неофита, в Ростов – Феодора, во Владимир – Стефана, «и въ иные многие грады разосла епископы». На основании этих сведений, некоторые русские историки думают, что среди этих «многих других городов», в которые митрополит Леонтий поставил епископов, был и Полоцк. Но тогда получится, что епископская кафедра в Полоцке основана уже в 992 году. Обширный Полоцкий край получил сын Владимира Изяслав, который основал там свою династию и также взялся за выполнение отцовского наставления. Таким образом, обучение и крещение подданных Полоцкого князя, в том числе ему подчиненных латышей и латгальцев, и строительство для них храмов началось уже в конце X века, самое позднее – в начале XI века. Пометка переписчика Евангелия Георгия, что средства на переписывание этой книги ему дал некий монах Симон, доказывает, что не только князья, но и другие слои населения, и даже монахи интересовались распространением света Евангелия среди латышей и жертвовали на это средства даже тогда, когда латыши уже были давно под властью немцев. Отсюда ясно, что русские князья, русские епископы и священники язычников не обращали ко Христу огнем и мечом, как это делали немцы, а действовали в духе Евангелия, принимая и крестя только тех, кто этого сам желал. Такой метод обращения язычников Индрику был чужд и непонятен, и он его не принимал. Далее рассматриваемая запись свидетельствует об еще одном значительном факте. Полоцкие князья и епископы уже с самого начала придерживались принципа: священники для латышей должны быть сами латышами. Его они выполняли, давая образование будущим священникам для латышей, происходившим из их же среды. Если еще в 1270 году были православные латыши, у которых был свой священник-латыш, чей сын переписывал Евангелие, то нет сомнений, что такие священники были и раньше».

Знаменитый белорусский исследователь старины Вацлав Ластовский (1883–1938) называет Евангелие, переписанное Георгием Лотышом, «Гарадзецкае Евангелие», т. е. Городецкое или Городищенское Евангелие. Городищем русские называют места, где в древности были укрепления, замки,

⁶ Kreics J. Vai senajā Polockas valstī ir bijuši latviešu tautības mācītāji? // Latvijas Kareivis, 1938, Nr. 105.

⁷ Zeiferts T. Latviešu rakstniecības vēsture. 1. d. – R., 1922, 336 lpp.

города. Но где было такое место, где в 1270 году были только развалины города, но где жили православные латыши в таком количестве, что у них был свой латышский священник? Очевидно, что на земле, обжитой латышами, а не русскими. Но здесь таким местом могла быть только древняя Ерсика, от которой к 1270 году остались только развалины. Поэтому правильнее было бы называть это Евангелие «Ерсикским Евангелием», поскольку сын Ерсикского священника его переписал, и в Ерсике оно использовалось на службах и при обучении людей. В. Ластовский изучил язык этого Евангелия, нашел в нем особенности древнего полоцкого диалекта кривичей: взаимозаменяемость букв «ц» и «ч». Такое чередование этих согласных встречается в современном витебско-полоцком белорусском диалекте. Это доказывает, что книгописец знал этот диалект, сам привык к нему в такой мере, что в текст Евангелия незаметно включил его особенности. Полоцк был важным торговым центром на большом пути из Скандинавии в Константинополь, «из варяг в греки». Он упомянут уже в скандинавских сагах. В XI веке он становится известным политическим, религиозным и культурным центром, как столица обширного и крепкого княжества, резиденция епископа большой епархии. Сюда стремились торговцы и различные предприимчивые люди из далекой Скандинавии, вплоть до тех времен, когда немцы закрепились на устье Даугавы и таким образом закрыли торговый путь. Но земли, обжитые латышами, отделяли от Полоцка только несколько десятков километров. Дрисса еще даже в описании путешествия царицы Екатерины II называлась латышским городом. Поэтому совсем не верится, что у латгальских латышей, подчиненных Полоцким князьям, не было бы никакой связи со своей столицей. Путь в Полоцк не был длинным и трудным, особенно по Даугаве.

Православные священники для латышей обучались и рукополагались в Полоцке, где жил епископ и находился кафедральный собор. У священника всегда оставалась тесная связь со своим Архипастырем – епископом, даже если он служил далеко от епархиального города. Поэтому можно допустить, что этот православный латышский священник XIII века и его сын Георгий, переписчик Евангелия, учились в школе в Полоцке и там освоили полоцкий диалект кривичей со всеми его специфическими особенностями. Кто был монах Симон, который дал Георгию средства для написания Евангелия? Где он жил? Уже в XII веке в Полоцке было много монастырей, как мужских, так и женских, в которые уходили в монашество и люди из высшего сословия, многие даже из княжеского рода. Так, вдова Полоцкого князя Романа Всеславича поступила в монастырь при Полоцком Софийском

соборе, приняв имя Романия, и была настоятельницей этого монастыря. Дочь брата Романа Святослава-Георгия Предислава поступила в тот же самый монастырь, приняв имя Евфросиния, ее сестра Горислава – приняв имя Евдокия, и дочь третьего брата – Бориса Всеславича – Звенислава, приняв имя Евпраксия. Потому надо думать, что монах Симон, который так интересовался миссией Евангелия среди латышей и даже пожертвовал средства для переписывания Евангелия, был монахом какого-то Полоцкого монастыря, может быть из высшего сословия, но в любом случае богатый и образованный человек. Надо заметить, что в то время, когда Георгий писал Евангелие, в Полоцке был епископ по имени Симон Новгородец (1260–1274). Русские историки повествуют, что он основал в Полоцке один монастырь. Так как православными епископами бывают только монахи и живут они часто в монастырях, то возможно, что монах Симон, давший Георгию средства для переписывания Евангелия, и был таким епископом, который не хотел раскрывать свое имя, а делал это тайно, представляясь простым монахом. Не дало ли его прозвание «Новгородец» Т. Зейферту основание переместить город Ерсикю из Полоцкой епархии в Новгородскую епархию? Православные Ерсики, находясь под властью немцев, получали из своей бывшей митрополии и священников, и материальную помощь. Их трагедия, очевидно, тянулась еще какое-то время после 1270 года и закончилась только позднее, в XIV веке, когда в самой митрополии произошли большие беспорядки, и Полоцкий край сам попал в руки других народов – литовцев и поляков.⁸

Исследователь средних веков Индрикис Штернс (1918–2005) в своих исследованиях отмечает: в письменных источниках нет прямых свидетельств, что жители Восточной Латвии были обращены в Православие; только «Хроника Индрика» свидетельствует о том, что Ерсикский Висвалдис и сыновья Талавского Таливалдиса были православными вместе с Талавскими латгальцами. Чтобы доказать, что восточные латыши были крещены в Православие, историки используют языковые свидетельства, из которых видно, что многие христианские термины взяты из славянского языка. Особенно активно эти слова исследовал лингвист Эрнест Блесе (1892–1964). Наиболее известные из этих слов следующие:

baznīca – божица
 gavēt – говеть
 grāmata – грамота
 grēks – грех
 kristīt – крестить
 krusts – крест

⁸ Šterns J. Latvijas vēsture: 1180–1290: Krustakari. R. : Latvijas vēstures institūta apgāds, 2002, 331.–375. lpp.

kūma – кума

Liela Piektdiena – Великая Пятница

Lieldienas – Великий День

nedēļa – неделя

svece – свеча

svētki – святки

svēts – святой

zvans – звон

Об Ерсике известно и о Кокнесе можно допустить, что там были православные храмы; значит, там жили православные: русские торговцы и, надо думать, также часть местных жителей, живущих в этих городах (в городе Ерсика было более одной церкви). Но были ли православные за пределами этих городов? Историки на этот вопрос не могут ответить, поскольку об этом нет никаких письменных свидетельств, но археологами найдены православные крестики, которые показывают направление торговых путей в Латвии. И эти находки свидетельствуют о знакомстве древних латышей с Православием. Но очень важным свидетельством остаются христианские термины, взятые из русского языка.

Лютеранский пастор, профессор Латвийского Университета и историк Латвийской Церкви доктор теологии Роберт Фелдманис (1910–2002), в своей книге «История Латвийской Церкви» пишет: «Еще один момент, который характеризует православную миссию перед появлением Мейнарда. Это сведения о так называемом Георгие Лотыше и «Ерсикском Евангелии». Георгий Лотыш – сын православного священника, который в 1270 году переписал на славянском языке Евангелие, которое хранится в Москве, в так называемом Румянцевском музее. На 167 листе этого Евангелия находится послесловие, которое звучит так: «23 марта 6778 года (летоисчисление по Ветхому Завету) в день памяти святого мученика Никона, была закончена эта книга. И в тот же день на солнце было знамение. Писал эту книгу я, Георгий (Юргис), сын священника, прозванного Лотышом, из Городища, на средства монаха Симона от Св. Георгия, себе во спасение и всем христианам в радость». Язык Евангелия свидетельствует о фонетических особенностях полоцких кривичей, которые теперь можно встретить в белорусском диалекте Витебска и Полоцка. Это в свою очередь подтверждает, что книгописец этого Евангелия учился правописанию и языку кривичей в Полоцке, который в XIII веке был Латгальской митрополией. Георгий (Юргис) называет себя сыном священника, поэтому надо принять, что его отец также был обучен и рукоположен во священника в ближайшей епархии в Полоцке. В послесловии Евангелия упомянутое место Городище нельзя с уверенностью

определить, поскольку так называлось каждое городище, а именно, развалины бывших городов. Правда, в окрестностях Новгорода, на правом берегу Волхова находился замок викингов Городище, но нельзя думать, что Георгий жил так глубоко среди русских.

Говоря по правде, не стоит сомневаться, поскольку он перешел не только в Православие, но и в русичи. Православие всегда было идентично переходу в русскую национальность, и его умение писать на славянском языке славянскими буквами это еще больше подтверждает, потому что ни у латгальцев, ни у ливов, ни у латышей своей письменности вообще не было. Здесь также вырисовывается тот уникальный момент, что если же латыши что-то делали в этом направлении, то это было как здесь – славянская письменность. Однако распространение ее не было широким, поскольку до XII–XIII веков мы нигде в латышских племенах не найдем ни малейшего признака письменности. Есть лишь знаки, которые написаны на некоем изображении Перконса и на некоем флаге, частично напоминающие руны, частично какие-то другие буквенные знаки, но их немного и их расшифровка до сих пор не дала никаких окончательных результатов, и в целом, они никогда не были в общем употреблении.

Как видим, место Городища надо искать в другом месте; т. к. немцы Новгородское Городище называли Герцике, то надо думать, что и в «Евангелии Георгия Лотыша» упомянутое Городище явилось какой-то русской формой другого Герцике. Таким русским городом в Латгалии с двойным названием Городище и Герцике было теперешнее городище Ерсика. Из этого следует, что отец Георгия Лотыша был православным священником в Латгалии с местожительством в Ерсике и что переписанный труд сына называется «Ерсикским Евангелием». Неясно, кто был богатым монахом Симоном, который дал Георгию средства для переписывания Евангелия, может быть, это был тогдашний Полоцкий епископ Симон. «Евангелие Георгия Лотыша» доказывает, что уже в XIII веке в Латгалии были латышские православные священники и центром миссии была Ерсика, откуда это вероисповедание, ранее католицизма, более-менее распространилось в остальной Латгалии. Примите во внимание – это был уже конец XIII века – 1270 год. Это было почти через 100 лет после появления Мейнарда. Столько мы знаем, постоянно пополняя сведения, о распространении Православия в нашем народе».⁹

Исторически значимая личность Юргиса из Ерсики нашла своё отражение в латышской литературе и изобразительном искусстве.

⁹ Feldmanis R. Latvijas baznīcas vēsture. 2. izd. – R. : 2011, 26.–27. lpp.

Латышский художник, сценограф и педагог Лудольф Либертс (1895–1959) в 30-е года писал портреты правителей XIII столетия, прежде всего исторический портрет земгальского правителя Намейса, затем побуждение преобразовать помещения Рижского замка в «латышском национальном стиле» дал визит короля Швеции Густава V в 1937 году. Был создан зал древних правителей, в котором разместили портреты остальных известных древних правителей, написанные Л. Либертсом – куршского Ламекина, земгальского Виестурса и латгальских Висвалдиса и Таливалдиса. В этой галерее особенно выделялся именно Висвалдис, который великолепно отвечал идейным установкам того времени. В 1936 году появился также портрет Ерсикского Георгия (Юргиса).¹⁰

В своем историческом романе «И ветры гуляют на пепелище...»¹¹ писатель Янис Ниедре (1909–1987) обратился к нетронутой до тех пор в литературе теме – к Ерсикской земле и времени с 1237 до 1252 года. Роман с научной точностью доказывает, что уже во время правления Висвалдиса сформировалось развитое общество.

Линию событий в романе создает шествие выросшего в Полоцком монастыре латгальца Георгия (Юргиса) «по запорошенным следам» на Ерсикской земле. Юргис ищет силу, которая восстановит прошлое, но возможно увидеть только то, что позволяет сохранить физическое и духовное существование народа. Поэтому очень важна глава романа о людях Темного поселка – Юргис наблюдает за жизнью крестьян и видит их негибкую волю выжить.

«О переписчике Евангелия, сыне православного священника латышской национальности Георгии в исторических источниках есть еще меньше сведений, чем о Каупо или хронисте Индрике, которые также неоднократно стали прототипами для создания литературных образов. Юргиса автор изобразил как мыслителя, который сравнивает и оценивает противоречивые явления жизни. Второй аспект личности Юргиса (Георгия) – это несокрушимая вера в идею возвращения своему народу мирных трудовых дней, верность своей отчизне – Ерсике. Его решимость не сокрушают долгие годы плена в страшных погребках немецкого Крестового замка. Читатель в этом литературном труде получает представление о духовных течениях XIII века в жизненном пространстве народов стран Балтии, об их взаимоотношениях, особенно о сближении народных верований и учения Православной Церкви в сознании более широких слоев населения. Эту мысль автора подтверждает

распространенность православных крестиков на территории Латгалии, а у историков есть определенное основание усомниться в возможностях Юргиса ознакомиться с философскими трудами древних греков.

Повествование Я. Ниедре о событиях XIII века на Ерсикской земле считается философским исследованием наших знаний по истории и археологии, соединение со свидетельствами этнографии и фольклора о духовной жизни народа. Автор создал целостную картину изображающую то время».¹²

Янис Ниедре в послесловии книги пишет: «Является ли рассказ об Ерсике, о Георгии (Юргисе), о людях Ерсики только выдумкой? Нет, это историческая правда. И творческое воображение – как в любом литературном сочинении, которое рассказывает о жизни человека, борьбе, взаимоотношениях, привычках и взглядах в далеком прошлом. Исторически описано в книге феодальное латышское государство Ерсика, его большой город – знаменитый центр торговли и обмена культурными ценностями в среднем течении Даугавы. Исторически задокументированы тесные связи Ерсики с Полоцким княжеством, обучение в Полоцке книжников и христианских служителей для деятельности в Латгальских областях. Исторической личностью является правитель Висвалдис, зять литовского князя, который первый оказал сопротивление в начале немецкого нападения на Балтию. Также исторически (и особенно археологически) зафиксировано прославленное в свое время Ерсикское ремесленное искусство. Исторической личностью является сын Ерсикского православного священника Георгий (Юргис), который в Полоцком монастыре занимается переписыванием книг из монастырской библиотеки. Обосновано описание мира древних латгальцев, древних замков и умение «писать» жителей поселка, т. е. связывать орнаментуку с легендами и песнями. Материал для книги, для создания характеров и фабул получен из народной устной поэзии, в археологических, этнографических и географических материалах и исследованиях, описаниях истории Ливонии, Литвы, Польши и Руси, очерках истории раннего периода христианства, рассказах старых людей, легендах и поверьях».¹³

Доктор филологических наук В. Я. Коцере,
директор Академической библиотеки
Латвийского Университета

¹⁰ Caune M. Rīgas pils. – R. : Zinātne, 2001, 128. lpp.

¹¹ Niedre J. Un vēji triec nodegu pelnus... Jersikas zeme. Romāns. 2. izd. – R. : Liesma, 1984, 225 lpp.

¹² Svarāne M. Gadsimts toreiz bija trīspadsmitais // Karogs, 1979, Nr. 4, 169.–170. lpp.

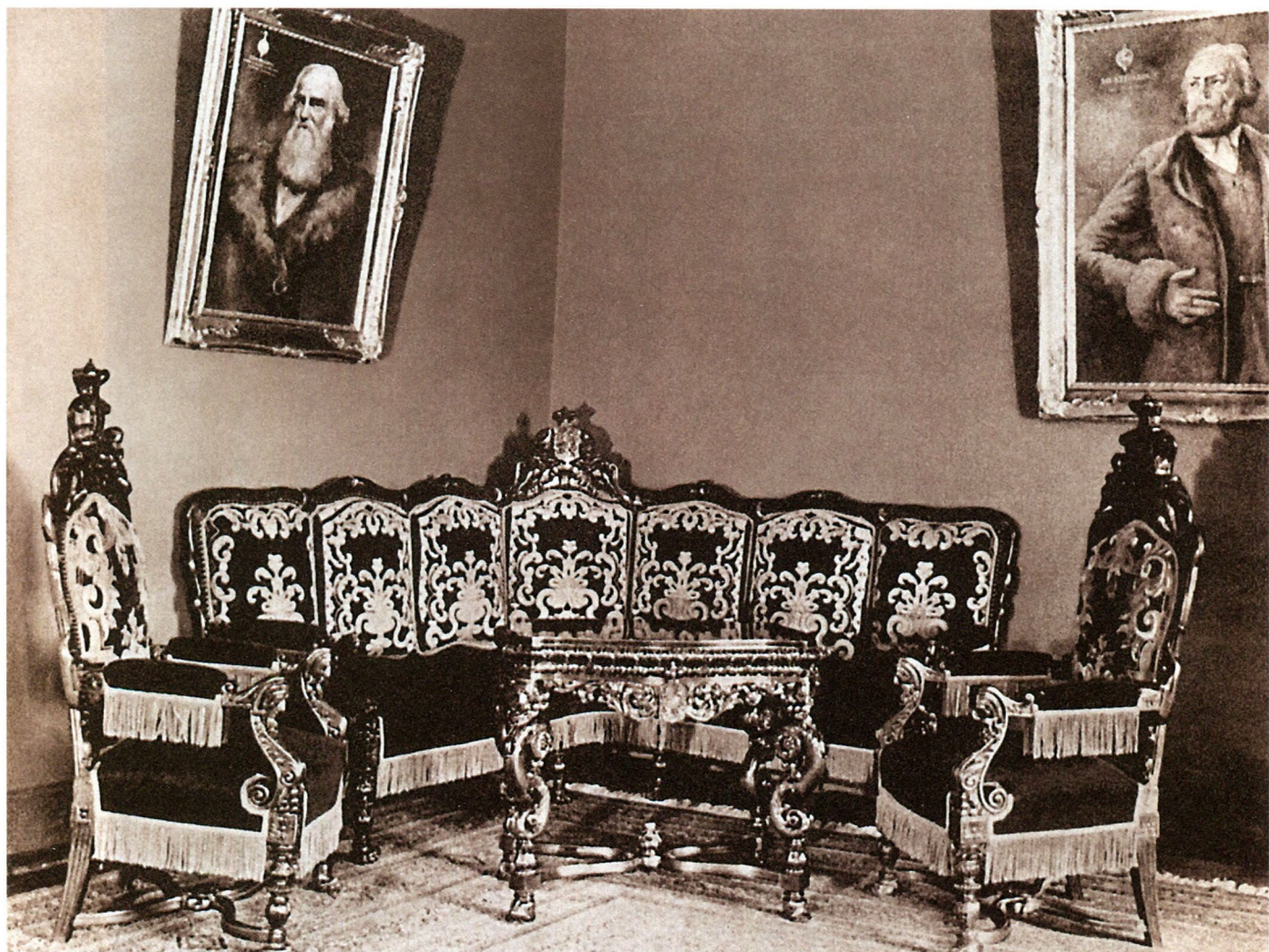
¹³ Niedre J. Указ. раб., с. 224–225.

Книгописец Георгий. Исторический портрет латышского художника Л. Либертса. 1936 год
Grāmatas pārrakstītājs Jurģis. Ludolfa Liberta vēsturiskais portrets. 1936. gads
Book scribe Georgy. Historical Portrait by Latvian artist L. Liberts. 1936

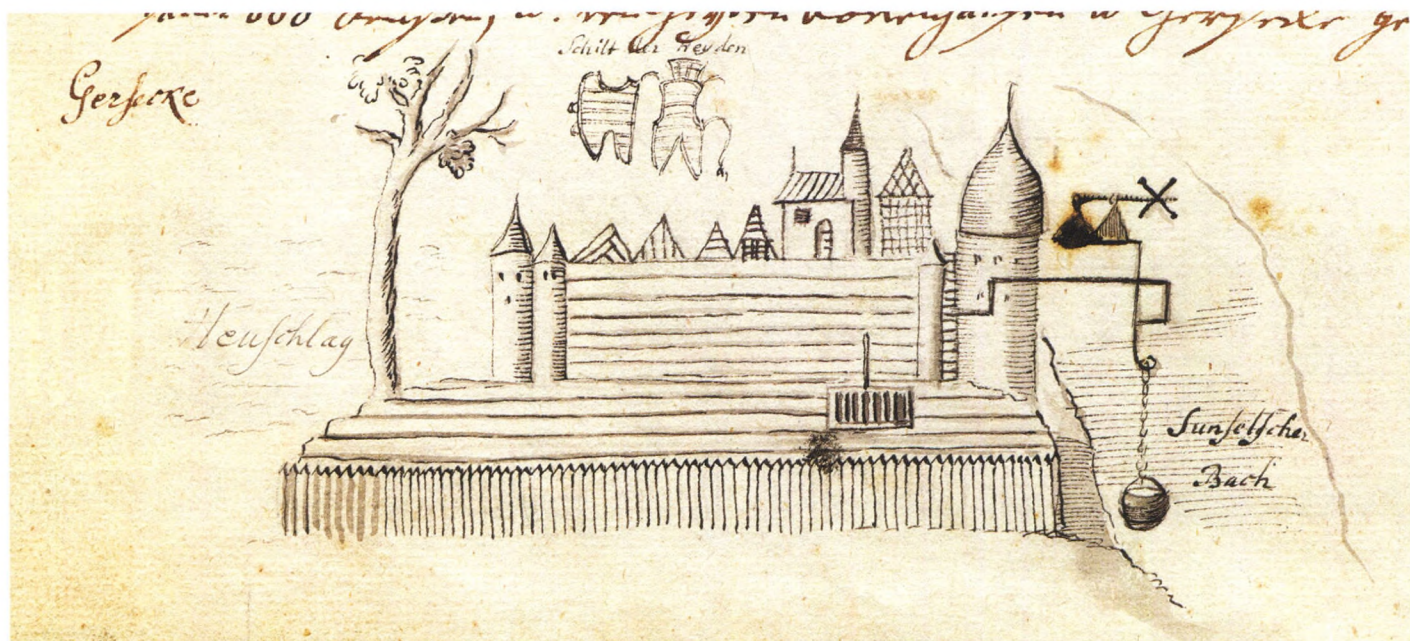
Князь Ерсики Всеволод. Исторический портрет латышского художника Л. Либертса. 1937 год
Jersikas ķēniņš Visvaldis. Ludolfa Liberta vēsturiskais portrets. 1937. gads
Knyazh of Jersika, Vsevolod. Historical Portrait by Latvian artist L. Liberts. 1937

Зал древних правителей в замке Президента Латвийской Республики. Фотография конца 1930-х годов

Seno valdnieku zāle Latvijas Republikas prezidenta pilī. 30. gadu beigū foto

Hall of the ancient rulers at the castle of the President of Latvia. Photo from late 1930s

Ерсикский замок. Рисунок И. К. Бротце, сделанный с изображения в старинной хронике Иргена Хелмса. Конец XVIII века

Jersikas pils. J. K. Broces zīmējums no attēla senajā Jirgena Helmsa hronikā. XVIII gs. beigas

Jersika castle. Drawing by J. C. Brotze, made from the image in the ancient chronicles of Jirgen Helms. The end of the XVIII century

Ерсика. Картина латышского художника А. Гусарса. 1939 год
Jersika. Latvijas mākslinieka A. Gusāra glezna. 1939. gads
Jersika. Painting by Latvian artist A. Gusars. 1939

Латышский историк профессор А. Швабе. Фотография 1930-х годов
Latviešu vēsturnieks profesors A. Švābe. XX gadsimta 30. gadu fotogrāfija
Latvian historian Professor A. Schwabe. Photo from 1930s

Латышский учёный-археолог профессор Ф. Балодис. Портрет Л. Либертса. 1930-е годы
Latviešu zinātnieks arheologs profesors F. Balodis. L. Liberta portrets. XX gadsimta 30. gadi
Latvian archaeologist Professor F. Balodis. Portrait of L. Liberts. 1930s

JĀNIS
NIEDRE

UN VĒJI TRIEC
NODEGU PELNUS...

STĀSTI PAR VĒSTURI

Обложка книги латышского писателя Яниса Ниедре «И ветры гуляют на пепелищах...», (Рига, 1984),

главным героем которой является Георгий Книгописец

Jāņa Niedres grāmatas “Un vēji triec nodegu pelnus...” vāks (R., 1984),

kuras galvenais varonis ir popa dēls Jurgis, grāmatu pārrakstītājs

The cover of the historical novel by the Latvian writer Jānis Niedre “And the winds blow the ashes...”, (Riga, 1984),

whose main character is Georgy the Book scribe